

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ КРИМИНАЛЬНОГО МИРА В
РОМАНЕ ТАХИРА МАЛИКА ШАЙТАНАТ**

Махмудова Юлдуз Аскарровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Бухарский государственный университет

ORCID: 0009-0002-4369-2433

Аннотация. Статья посвящена приёмам передачи субстандартной лексики криминального мира при переводе романа Тахира Малика «Шайтанат» на русский язык. На материале узбекско-русского параллельного корпуса рассматриваются арготизмы, тюремно-воровской жаргон, вульгаризмы, дисфемизмы и просторечие вместе с их русскими соответствиями. Приёмы описаны с опорой на понятия безэквивалентной лексики и переводческого преобразования. Выделены преобладающие решения переводчиков, среди которых транслитерация, функциональный аналог, компенсация, генерализация, смягчение и опущение, и оценена степень сохранения экспрессивно-стилистической окраски исходных единиц.

Ключевые слова: субстандартная лексика, криминальный социолект, арг, тюремно-воровской жаргон, вульгаризмы, дисфемизмы, безэквивалентная лексика, переводческое преобразование, компенсация, транслитерация, узбекско-русский художественный перевод.

Введение. Роман Тахира Малика «Шайтанат», писавшийся с 1984 по 1994 год и впервые напечатанный в журнале «Шарк юлдузи» в 1992 году, воссоздаёт язык преступного мира Узбекистана позднесоветской и постсоветской поры. Мафия, наркоторговля, тюрьма. Речь персонажей насыщена арготизмами, вульгаризмами, дисфемизмами и просторечием, а заметную долю этих единиц составляют заимствования из русского уголовного арготизма, записанные узбекской графикой. Выполненный Т. Нармирзаевым и М. Алимовым перевод вышел в ташкентском издательстве «Янги Аср Авлоди» в 2016 году объёмом 484 страницы [13]. Обратный перенос сниженной лексики в ту речевую среду, откуда часть её пришла, оказался задачей нетривиальной, и в переводе эта лексика в большинстве случаев теряет свою резкость.

Цель работы состоит в том, чтобы описать приёмы передачи субстандартной лексики криминального мира и оценить степень сохранности её экспрессивно-стилистической окраски. Материалом послужил составленный автором узбекско-русский параллельный корпус, куда вошли выровненные по предложениям отрывки оригинала и перевода 2016 года. Задача решается впервые. Между тем идейно-тематическая сторона книги уже привлекала внимание исследователей, тогда как передача уголовного арготизма при переводе на русский язык до сих пор не описывалась.

Методы и обзор литературы. Работа опирается на сопоставительный метод, применённый к параллельно выровненным отрывкам оригинала и перевода. Привлечены метод сплошной выборки субстандартных единиц, компонентный анализ их значений, контекстологический анализ речевых характеристик персонажей, а также приёмы количественного подсчёта по составленному корпусу. Классификация переводческих решений велась по номенклатуре

преобразований, восходящей к трудам Я.И. Рецкера и А.Д. Швейцера, с опорой на понятие безэквивалентной лексики. Стилистическая атрибуция арготизмов и вульгаризмов уточнялась по словарям русского арго В.С. Елистратова и М.А. Грачёва, а также по «Большому словарю русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной.

Изучение арго и жаргона как особых подсистем языка имеет в русистике давнюю традицию. Основы социально-лингвистического подхода к воровской речи заложены Д.С. Лихачёвым [7], а понятийное разграничение арго, жаргона и сленга детально разработано В.В. Химиком [11]. Место арго в системе социальной дифференциации языка описано В.Д. Бондалетовым [2]. Лексикографическую базу образуют «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [8], «Русское арго» [3] и «Словарь тысячелетнего русского арго» М.А. Грачёва [4], «Словарь русского арго» В.С. Елистратова [6] вместе с его работой о связи арго и культуры [5]. Соотношение литературного языка, просторечия и жаргонов рассмотрено Л.И. Скворцовым [10]. Теоретическую основу описания приёмов перевода дают труды Я.И. Рецкера [9] и А.Д. Швейцера [12], где сниженная и экспрессивная лексика передаётся через компенсацию, функциональный аналог, генерализацию и смягчение. Узбекская субстандартная лексика в переводческом отношении почти не изучена, чем и определяется новизна настоящей работы.

Результаты. Криминальная лексика «Шайтаната» распадается на две неравные группы. К первой относятся заимствования из русского уголовного арго, переданные узбекской графикой. Исконно узбекские просторечные, бранные и эвфемистические единицы образуют вторую группу. Нужно для точной атрибуции этих слов разграничение арго и жаргона В.В. Химик формулирует так.

«Арго – это закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные. Арготизмы – рациональные номинации-терминоиды (подобные терминам), используемые в практических интересах профессии, ремесла, дела. (...) Жаргон – значительно более широкое понятие, полуоткрытая лексико-фразеологическая система» [11. 12].

Опираясь на данное понимание, слова *рахан*, *bratan*, *kusok* логично отнести к арготическому ядру, а более широкий слой грубой и фамильярной лексики оказывается ближе к жаргонно-просторечной зоне. Приёмы перевода в этих группах расходятся, и сохранность стилистической окраски бывает неодинаковой.

Заимствованные из русского арго слова переводчики, вопреки ожиданию, чаще всего не возвращают в исходном облике, а заменяют литературными эквивалентами. Так, *рахан*, *bratan*, *kusok* и *tvar* передаются средствами нейтрального языка, отчего арготическая помета снимается. Слово *kusok* в значении «тысяча» генерализуется до обычного числового обозначения, *bratan* теряет фамильярный суффикс, а грубое *tvar* смягчается. Парадокс в том, что единица, пришедшая в узбекский текст из русского уголовного языка, при обратном переносе на русскую почву лишается своей уголовной принадлежности. Место арго среди социально обусловленных разновидностей языка описал В.Д. Бондалетов. «Под социальной диалектологией надо разумеать широкую дисциплину, исследующую все виды социальной дифференциации языков, а не только собственно социальные диалекты (профессиональные говоры, корпоративные жаргоны, арго и др.)» [2. 11].

Таблица 1. Криминальные арготизмы и приёмы их передачи

Единица оригинала	Значение в арготизме	Приём передачи	Стилистический сдвиг
рахан	главарь преступной группы	нейтрализация	арготическая помета снята
bratan	«свой», член братвы	нейтрализация	фамильярность ослаблена
kusok	тысяча (денег)	генерализация	арготизм утрачен
tvar	бранное обозначение человека	смягчение	резкость ослаблена

Самое трудное при переводе уголовной речи связано не с отдельным словом, а с её общим тоном. Д.С. Лихачёв ещё в 1935 году заметил парадокс, ускользающий от поверхностного взгляда. «С точки зрения исследователей воровского языка и современного русского воровское слово есть слово, снижающее и вульгаризирующее речь. Это неверно. Речь вора всегда приподнята, он всегда чувствует себя несколько героем, с воровской точки зрения воровской язык патетичен» [7. 68]. Приподнятость, о которой писал Д.С. Лихачёв, в переводе почти всегда снижается. Там, где в оригинале стоит рахан, в переводе появляется нейтральное обозначение главаря, лишённое уголовного колорита. Грубое, вызывающее, «геройское» слово подлинника заменяется стилистически нейтральным соответствием, и речь бандита в русском

тексте звучит глаже, чем в узбекском. Речевая характеристика персонажа при этом беднеет.

Отношение уголовного мира к смерти, опасности и власти закреплено в особых иносказаниях. Д.С. Лихачёв связывал их с механизмом запрета. «На целый ряд слов и понятий в воровской речи накладывается «табу» - запрещение. Эвфемизмами «опасных» понятий служат обычно грубо-фамильярные названия, подчёркивающие бодрое и насмешливо-презрительное отношение к ним» [7. 63].

Узбекский текст следует той же логике. Выражение *pattamizni qo'limizga tutqazadi*, буквально означающее «вручит нам наш билет», в переводе передано оборотом «вручает билет в один конец», где образность и мрачноватая насмешка сохранены почти полностью. Иначе обходятся с религиозно окрашенной лексикой, важной для книги с таким названием. Имя шайтана то передаётся как «сатана», то остаётся «шайтаном», а *hugu g'ilmon* (гурии и отроки рая) генерализуется до нейтральных «феи и слуги», отчего исламская коннотация исчезает. Имя ангела смерти Азраила сохранено с пояснением.

Таблица 2. Просторечие, дисфемизмы и религиозно окрашенная лексика

Един ица оригинала	Русск ое соответств ие	Приём передачи	Комментарий
<i>pattam izni</i>	вручае т билет в один конец	функционал ьный аналог	образность сохранена

qo'limizga tutqazadi			
min ubirat etib yurg'on edim	я только убралась	грамматиче ское выравнивание	ломаная речь утрачена
nemno jko nervnichat etti	немно жко нервничал	грамматиче ское выравнивание	акцент снят
huru g'ilmon	феи и слуги	генерализац ия	религиозная коннотация утрачена
shayta n	сатана / шайтан	вариативная передача	непоследовател ьность

Особый случай представляет ломаная речь узбекских персонажей. Старуха Аня, русская героиня, говорит на смеси языков с ошибками, и её реплики вроде min ubirat etib yurg'on edim или nemnojko nervnichat etti в оригинале выдают и акцент, и просторечие. Русский перевод выпрямляет эту речь до правильных «я только убралась» и «немножко нервничал», отчего исчезает сама примета чужого, спотыкающегося говора. Замены и опущения такого рода Я.И. Редкер относил к закономерным приёмам. «Трансформации – приёмы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным (лексические трансформации), и преобразования структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка (грамматические трансформации)» [9. 45].

Просторечное *milisaxona*, разговорное название отделения милиции, в переводе попросту опущено, как и ряд других сниженных обозначений. Опускание снимает трудность, но вместе с ней уходит и социальная краска речи.

Компенсация, способная возместить потерю экспрессии в соседнем контексте, в переводе «Шайтаната» применяется скупое. А.Д. Швейцер понимал перевод как процесс, ориентированный прежде всего на конечный эффект. «Перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [12. 75].

С этой точки зрения выбор переводчиков объясним. Ориентируясь на литературную норму и на широкого читателя, они предпочли ясность и гладкость сохранению резкой сниженной окраски. По наблюдениям над составленным корпусом, нейтрализация и генерализация преобладают почти во всех разрядах сниженной лексики, транслитерация же удерживается лишь за отдельными именами вроде Азраила, а опускание снимает то, что труднее всего поддается переносу. Криминальный мир в русском «Шайтанате» говорит заметно приличнее, чем в узбекском подлиннике.

Обсуждение. Общая направленность перевода состоит в сглаживании сниженной окраски. Криминальные арготизмы, просторечие неузбекских персонажей, бранные и эвфемистические обороты в большинстве случаев уступают место нейтральным литературным соответствиям, и лишь немногие единицы, такие как образные эвфемизмы смерти и отдельные имена, переданы с сохранением

стилистического задания. Похожую направленность в передаче диалектной и социально маркированной речи отмечали и другие исследователи узбекско-русского художественного перевода. Расхождение между двумя языками усиливает эту тенденцию, ведь узбекская уголовная речь опирается и на исконные единицы, и на заимствования из русского арго, а переводчик, возвращая эти заимствования на русскую почву, вынужден выбирать между их узнаваемым уголовным обликом и нормой литературного языка.

Выбор в пользу нормы имеет последствия для восприятия книги. Читатель русского «Шайтаната» получает более сдержанную и однородную по тону речь персонажей, тогда как узбекский подлинник резче противопоставляет язык преступного мира языку остального повествования. Разница особенно ощутима там, где сниженная единица не просто называет предмет, а служит речевой характеристикой, выдавая происхождение, ремесло или притязания говорящего. Приёмы, которыми переводчики могли бы возместить эти потери, в тексте встречаются редко, и вопрос о том, возможна ли в принципе полная передача уголовного социолекта одного языка средствами другого, остаётся открытым.

Заключение. Передача субстандартной лексики криминального мира в русском переводе «Шайтаната» подчинена одной ясно выраженной установке, которую уместно назвать нейтрализующей. Заимствованные арготизмы, просторечие, вульгаризмы и дисфемизмы оригинала в переводе 2016 года чаще всего заменяются стилистически нейтральными соответствиями, реже генерализуются или опускаются, и лишь единичные образные обороты удерживают исходную экспрессию через функциональный аналог. Транслитерация, которая могла бы вернуть заимствованным из русского арго словам их узнаваемый облик,

почти не используется. Составленный узбекско-русский параллельный корпус позволяет измерить эти тенденции количественно и служит основой для дальнейшего сопоставительного изучения того, как сниженная лексика одного языка переносится средствами другого.

Список использованной литературы

1. Бозорова Г.З. Идейная направленность сказаний и преданий романа «Шайтанат» Тахира Малика // Молодой учёный. – 2014. – № 9 (68). – С. 532-534.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
3. Грачёв М.А. Русское аргю. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. – 245 с.
4. Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений. — М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
5. Елистратов В.С. Аргю и культура (на материале современного московского аргю): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 24 с.
6. Елистратов В.С. Словарь русского аргю: материалы 1980-1990-х гг. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
7. Лихачёв Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – Вып. III-IV. – С. 47-100.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
10. Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. – М.: Наука, 1977. – С. 29-57.
11. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2000. – 272 с.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
13. Малик Т. Шайтанат. Царство сатаны / пер. с узб. Т. Нармирзаева, М. Алимова. – Ташкент: Янги Аср Авлоди, 2016. – 484 с.
14. Тоҳир Малик. Шайтанат: роман. – Тошкент: Ҳилол-нашр, 2017. – 736 б.